

ШАНСОН

ВСЕ ПОД БОГОМ
ХОДИМ

Всё Москва-2002 13 фев - с. 5.

С давних пор на Руси существовала поговорка, рекомендующая не зарекаться от суммы да от тюрьмы. Не отсюда ли берет свое начало неискоренимая любовь нашего народа к песням, которые в последние годы получили сравнительно благопристойное название — русский шансон?

И правда, будь ты хоть бизнесмен, хоть депутат, хоть академик, а в дружеской компании после первой-второй-третьей сами собой запеваются те самые, когда-то именовавшиеся дворовыми, песни.

— Улица рождала эти песни, — говорит ныне стремительно завоевывающий популярность автор-исполнитель **Евгений Чужой**. — Их называли русским шансоном, чтобы как-то легализовать блатную песню. Хотя если бы этот жанр не загоняли в подполье, если бы в свое время альбомы Александра Новикова выходили такими же тиражами, как пластинки Людмилы Зыкиной, все было бы иначе. И никто сейчас не говорил бы, что русский шансон — музыка для бандитов.

Скоро (в начале марта) выйдет новый альбом Евгения Чужого, который, скорее всего, будет называться «Плачут сосны». И если повнимательнее прислушаться к песням Евгения и его коллег по

жанру — тех, кто пишет действительно от души, — становится ясно, что в песнях-то поется не столько о сладкой жизни всевозможных Меченых и Бешеных, сколько о горькой судьбе случайно оступившихся.

— Все под Богом ходим, — вздыхает Евгений. — Разве у вас нет таких знакомых? Запросто бывает так, что был человек не пойми кем, а стал, скажем, депутатом. А неплохой парень где-то нечаянно сорвался — и все. Сколько концертов мы дали по зонам, тут уж научишься их понимать. Конечно, там есть и такие, кому пять-десять лет отсидеть — все до звезды, как говорится. А кто-то просто оступился.

По мнению Евгения, основная американская музыка, пользующаяся успехом на исторической родине, — это гангста-рэп (без перевода понятно) и кантри — жанр, который, в общем-то, не слишком отличается от нашего городского романа, который, к слову сказать, рождался и исполнялся не только в городах. Кстати сказать, несколько лет назад наши телевизионщики провели забавный эксперимент — сняли клип, персонаж которого представлял собой нечто среднее между неприкаянным героем наших блатных песен и столь же грустным «одиноким Джо» из кантри-баллад. Песня, им исполняемая, также являла результат подобного соединения. Все, кто видел и слышал это, удивлялись сходству двух жанров — разве что имена пришлось подставить англоязычные. Но ведь кантри — более чем благопристойный жанр, почему бы и городскому романсу не быть таковым? Задумчивые, малость даже сентиментальные при всей нарочитой грубоватости песни хранят нотки какого-то удивительного патриотизма, таинственной любви к не всегда уютной, но единственной Родине.

Ольга ШАТО

